

Ивакин Григорий Анатольевич

КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕЯ КАК ОСНОВА АБСОЛЮТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье исследуется развитие консервативной идеи в России в период XVI – первой половины XIX в. Проанализированы идейные доктрины Феофана Прокоповича, Н. М. Карамзина, графа С. С. Уварова. Рассматриваются консервативные взгляды А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. Показано, что в этот период консервативная мысль в России формировала основу официально-монархической консервативной идеологии. Сама власть постулировала свой абсолютный характер, подтверждая его религиозной составляющей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 81-85. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

действие обеих сторон, а значит, другой индивид также будет воздействовать на первого, отсюда следует, что при взаимодействии у обоих субъектов будут реализовываться стратегии воздействия друг на друга, а это в свою очередь ярко иллюстрирует выход к новейшей системной методологии.

Если взглянуть на стратегию с точки зрения истории, а не онтологии, то впервые термин «стратегия» был употреблен в Китае, в момент появления первого государства в XIV веке до н.э. [6]. Пристального внимания заслуживает трактат Сунь-Цзы, который оказал принципиальное влияние на все военное искусство Востока, содержал четко выраженные общие принципы, стратегии, тактики.

Позже понятие «стратегия» начали использовать в Японии. В кодексе чести самураев «Кодекс Бусидо» также упоминается о стратегии подготовки и ведения боя [4]. Стоит отметить, что именно в Японии «привязали» к воинской стратегии другие сферы жизни, которые напрямую не касались ведения боевых действий, это указывает на имплицитную содержательность и значимость сопутствующих сфер деятельности.

Следующая важная функция стратегии кроется в историческом становлении, так, понятие стратегии в середине XX века вышло за рамки военных действий. В период холодной войны стратегией обозначалось решение, прежде всего, политических вопросов. В данном случае использование военной силы является одним из возможных вариантов стратегии. Постепенно, в период транснационализации мировой экономики, понятие «стратегия» характеризует «путь достижения долгосрочной цели» [1, с. 360].

Таким образом, можно говорить, что реализация стратегии – это оптимизация восприятия модели другим субъектом в контексте социальной интеракции и конструирование новых форм бытия, что подтверждает релевантность в рамках системной теории онтологической данности элементарных моделей любого объекта, которая наиболее наглядна и позволяет понять феномен взаимодействия элементов и структурную их композицию в рамках систем.

Список литературы

1. Герасимчук В. Г. Стратегічне управління підприємством: графічне моделювання: навч. посіб. К.: КНЕУ, 2000. 360 с.
2. Жюльен Ф. Трактат об эффективности. М. – СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга, 1999. 235 с.
3. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1943. 400 с.
4. Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листе. М.: Эксмо, 2003. 432 с.
5. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494-526.
6. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М.: АСТ, 2002. 608 с.

STRATEGY ONTOLOGY: REALITY MODELS IMPLEMENTATION

Zainullin Radomir Al'bertovich
Ural Federal University named after B. N. El'tsin
zainoullin@gmail.com

The author considers a principle of the individual's action in society, shows the reasons that prompt to action, aligns according to the interrelation the notions of action, models, strategies, subject, object and reality formation, reveals the forces that encourage the formation of existence new forms, the conditions of models implementation and the focus of their implementation, and tells that the research basic foundation is the notion of strategy as a general connection between model and aim.

Key words and phrases: model; reality; strategy; implementation; practice; system.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье исследуется развитие консервативной идеи в России в период XVI – первой половины XIX в. Проанализированы идейные доктрины Феофана Прокоповича, Н. М. Карамзина, графа С. С. Уварова. Рассматриваются консервативные взгляды А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. Показано, что в этот период консервативная мысль в России формировала основу официально-монархической консервативной идеологии. Сама власть постулировала свой абсолютный характер, подтверждая его религиозной составляющей.

Ключевые слова и фразы: консерватизм; доктрина Уварова; абсолютизм; Российская империя; идеология; власть.

Ивакин Григорий Анатольевич, к.и.н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ivakin@rane.ru

КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕЯ КАК ОСНОВА АБСОЛЮТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ[©]

Принципиально новый этап развития российской государственности начался в период правления Петра I. Россия стала империей, что потребовало переосмысления ее места и роли в мировом историческом процессе.

Реформы Петра I, направленные на полный разрыв с предыдущей традицией, в том числе и традицией бытия власти (был изменен сам принцип престолонаследия), явились причиной формирования идейной дихотомии «Восток – Запад». При этом ядром политической идеологии оставалась идея об абсолютной самодержавной власти монарха. Но теперь требовалось осмыслить ее в категориях модернизации и вестернизации России.

В статье ставится задача рассмотрения идеологического оформления абсолютистской политической системы в Российской империи, с учетом ее специфики, обусловленной центральным положением в ней сакральной фигуры самодержавного монарха, и модернистского вызова этому строю со стороны Великой Французской революции. Российская империя, зародившись на модернизационной основе, в результате структурировалась на базе консервативной идеологии, хотя споры о направлении развития продолжались на протяжении всей истории ее существования. Как представляется, консервативная парадигма империи окончательно сложилась к концу царствования Александра I, а декабристское восстание подвело черту под эпохой формирования консервативной модели власти в России. Последующие же интеллектуальные споры явились попыткой опровержения идеологии официального консерватизма. В целях подтверждения представленной гипотезы обратимся к анализу генезиса консервативной мысли в период от становления Российской империи до 1830-х гг.

В период петровских преобразований главным идеологом абсолютизма являлся Феофан Прокопович – автор программного произведения эпохи «Правда воли монаршей».

Как отмечает известный историк Н. И. Павленко, «Правда воли монаршей» была написана всего год спустя после Духовного регламента, но это, тем не менее, нисколько не помешало автору излагать диаметрально противоположные идеи: там он изощрялся в доказательстве преимуществ коллегиальной формы правления над единоличной, здесь, напротив, отвергал такие «коллективные» формы верховной власти, как аристократия и демократия, и доказывал, что Россией может править только наследственная монархия [11, с. 89]. Н. И. Павленко иронично замечает: «Приходится только отдать должное пропагандистскому мастерству Феофана Прокоповича, которым он владел в высшей степени искусно» [Там же].

Ю. М. Лотман дает следующую оценку деятельности Ф. Прокоповича: «В речах Феофана Прокоповича и других публицистов петровского лагеря получила развитие политическая концепция Пуффендорфа и Гуго Гроция, своеобразно преломленная сквозь русскую традицию. Власть царя мыслится как данная от Бога и оправдывается ссылкой на апостола Павла (Еф. 6, 5). Однако одновременно утверждается, что царь, приняв власть, вступает в безмолвный договор, обязуясь царствовать на благо подданных» [10, с. 355].

В «Правде воли монаршей» Прокопович лишний раз обличает ревнителей старины вообще, которые отрицают новизну только потому, что она новизна: «Не оный ли безумный упрямым и безответным обычный ответ: дело новое? — спрашивает он. — О скудного и окаянного суесловия! Аще бы и новое се дело, что же самая новость вредит?.. Зло — и старое зло есть; добро — и новое добро есть. Разве бы еще сказал кто, что дело сие у нас не бывало. Хотя бы и не бывало — что противно?.. Первое явилось огненное оружие у прочих народов, нежели у нас; но если бы и к нам оно доселе не пришло, — что бы было и где бы уже была Россия? Тожде разумеи и о книжной типографии, о архитектуре о прочих честных учениях. Разумный есть и человек и народ, который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых; безумный же и смеха достойный, который своего и худого отстать, чужого же и доброго принять не хочет» [6, с. 162-163].

Таким образом, Прокопович оправдывает идею абсолютной власти в условиях модернизационных процессов. С его точки зрения социально-политические изменения в России не только не вредят, но наоборот способствуют развитию государства, а сильная монаршая власть является неотъемлемым атрибутом этих процессов.

Не менее очевидно новое идейное направление проявилось в процессе над царевичем Алексеем (1718 г.), наглядным свидетельством чему может служить «Слово о власти и чести царской, яко от самого Бога в мире учинена есть, и како почитати царей и оным повиноваться людие должны; кто же суть и коликий имеют грех противляющийся им...» (произнесено 6 апреля 1718 года). Знаменательно уже само название, указывающее на сакральный характер царской власти и на греховность борьбы с нею; последнее особо важно — противиться царю означает совершать страшный грех [2, с. 116].

В теоретическом обосновании Ф. Прокоповича обширность территории стала официальным обоснованием самодержавия. Теоретический поиск противоположной классовой ориентации привел к мысли о федерации, к идеям представительной демократии, к резонным сомнениям в фатальной предопределенности форм государства географическими условиями. Наконец, идея общественного договора, поначалу использовавшаяся для апологии абсолютизма, впоследствии с большим основанием направлялась против самодержавия [7, с. 7].

Безусловно, идейная база, заложенная Ф. Прокоповичем, сыграла серьезную роль, как на этапе ее формирования, так и в последующем. Во времена правления Петра I официально оформившаяся империя остро нуждалась в идеологическом оправдании и объяснении. При этом это объяснение было необходимо как для своей элиты, так и для «внешнего использования», ведь называться империей — это еще не быть ей.

На протяжении XVIII века абсолютистская доктрина Ф. Прокоповича составила основу идеологического багажа российского самодержавия. Монархи-преемники Петра I определяли свое положение в политической системе Российской империи, исходя из той концепции, которая вызрела в эпоху петровских преобразований.

В конце же XVIII столетия на историческую сцену Российской империи выходит классический консерватизм, сформировавшийся как реакция на Великую французскую буржуазную революцию. И первым отечественным консерватором становится Николай Михайлович Карамзин.

Идеи о том, что монархия является наиболее твердой и наиболее надежной формой государственного правления и к тому же законным и освященным веками порядком, во многом были внушены Карамзину революцией во Франции и получили развитие в его работах. Как отмечает И. В. Воробьева, «Мысли Карамзина

о незыблемости самодержавия соответствовали представлениям о законе, об историческом праве, оправдывающем правомерность неограниченной власти, освещенной “божьей милостью”, что повторяло на русский лад теорию европейского легитимизма» [5, с. 165].

Идеалом Карамзина был сильный и властный монарх, опирающийся при этом в своей деятельности на законы и принимающий активные меры как к нравственному воспитанию, так и политическому просвещению подвластных ему народов. Предпочтение к монархическому образу правления мотивируется, согласно Карамзину, и географическими факторами. Историк считал, что обширность территории Российской империи, численность ее народонаселения и историческое величие (выраженное в «имперском» характере истории) предопределили ее к монархии.

Показательна оценка исторических трудов Н. М. Карамзина другим великим русским историком В. О. Ключевским, который ярко характеризовал общую направленность его деятельности, приверженность традиционным ценностям в их консервативном понимании: «Взгляд Карамзина на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике. Его занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошлом не за накоплением средств материального и духовного существования человечества и не за работой сил, вырабатывавших эти средства, а за проявлениями нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях, за этими, как он говорит, “героями добродетели, сильными мышцею и душою, или за яркими чертами ума народного свойства, нравов, драгоценными своею древностию”. Он не объяснил и не обобщил, а живописал, морализировал и любовался, хотел сделать из истории России не похвальное слово русскому народу, как Ломоносов, а героическую эпопею русской доблести и славы» [9, с. 489-490].

Как отмечают отечественные исследователи А. А. Васильев и А. В. Серегин, по мнению Н. М. Карамзина, иные формы правления в России не могут прижиться и приведут к разрушению государства. Аристократия и олигархия выльются в сепаратизм и феодальные войны. Народоуправство с помощью вечевых форм самоуправления недопустимо в условиях постоянной внешней агрессии и полиэтнического состава Российской империи. Самодержавие – единственный гарант безопасности и стабильности России [3, с. 210].

Консервативные идеи Н. М. Карамзина, принятые изначально политической элитой России с некоторой настороженностью, все же получили свое развитие и официальное признание во второй половине правления Александра I. Либеральные реформы М. М. Сперанского наткнулись на стену вновь поднявшего голову абсолютизма, получившего новое дыхание в результате победы России в войне с Наполеоном. В эту историческую эпоху консерватизм полностью соответствовал сущности российского самодержавия, распространившего свое политическое влияние далеко за пределы империи.

В это же время консервативные идеи проникали и в сознание культурной элиты империи. Так, как отмечает известный американский исследователь Р. Пайпс, великий русский поэт и писатель А. С. Пушкин «пережил интеллектуальную эволюцию в течение 1826 года, которая превратила его из поверхностного сторонника либеральных ценностей в консерватора» [12, с. 127]. По мнению Р. Пайпса, оригинальность консерватизма А. С. Пушкина состояла в том, что прогресс Просвещения в России был неразрывно связан с самодержавной монархией. В результате Пушкин, как считает Р. Пайпс, руководствуется не политическими или социальными, а культурными мотивами.

Между тем следует учитывать, что по поводу консерватизма А. С. Пушкина есть и диаметрально противоположное мнение. Так, руководитель Пушкинского отдела ИМЛИ РАН В. С. Непомнящий полагает следующее: «Что касается, “благодетеля” Николая I, то тут надо иметь в виду, что после 1825 года Россия для Пушкина вообще превратилась в тюрьму, он был под личным надзором самого царя. Он был под надзором тайной полиции, царь делал то, что Пушкин ненавидел всей своей душой – лез в его личную жизнь, лез в его творчество, “руководил” им» [Цит. по: 13].

Российский исследователь Н. И. Черняев полагает, что к числу поэтов, понимавших спасительную мощь и значение русского самодержавия и не раз вдохновлявшихся им, можно отнести и Михаила Юрьевича Лермонтова — того самого Лермонтова, которым Боткин и Белинский в своей интимной переписке восхищались, как провозвестником и певцом революционных начал. Лермонтов верил в будущность России и в будущность русского самодержавия. Он верил, что «европейский мир» и «дряхлый Восток» рано или поздно признают над собою власть теоретики русского самодержавия русских Царей и составят вместе с Россией колоссальную, небывалую в истории Империю [16, с. 793, 797-798].

Продолжая ряд классиков русской литературы XIX века, нельзя обойти стороной и фигуру Н. В. Гоголя, который так же разделял консервативные взгляды и отчасти поддерживал их своим авторитетом. При этом монархическим идеалом Гоголя была библейская теократия [Там же, с. 789]. Н. В. Гоголь не видел в неограниченной христианской монархии ничего общего с деспотизмом. В ее учреждении он видел, прежде всего, акт любви Божией к людям. Краеугольным камнем христианского самодержавия он считал безграничную любовь государя к народу [Там же, с. 784].

Эпохальным событием в истории официального государственного консерватизма стала деятельность по оформлению идеологических основ самодержавия графа С. С. Уварова.

На рубеже 1820-х и 1830-х гг. происходит, пользуясь выражением М. И. Гиллельсона, «филиация русофильских и западнических идей, импульсом к которой стала новая внешнеполитическая ситуация, связанная с польским восстанием и новым имиджем России в Европе» [4, с. 335-336]. Исходя из поставленных задач, Николай I осознал потребность в системе взглядов, которая помогла бы царю разработать механизм поэтапного развития государства. Именно С. С. Уваров предложил монарху «контуры подобной системы» [8, с. 11].

В построении своей конструкции самодержавной власти С. С. Уваров опирался в первую очередь на идеи Ф. Шлегеля о народе и государстве как единой личности, развивающейся органическим путем. Как отмечает А. С. Заболотная, в результате «С. С. Уваров скомбинировал теорию, которая представляла царя “воплощением российской государственности и российской империи”, но при этом была предпринята попытка “объединения национальных концептов и западной формы, которая позволила бы сохранить миф об императоре-европейце”» [Там же, с. 5–6].

Несмотря на то, что в уваровской идеологии официальной народности учитывался фактор «Запада», тем не менее, сам ее автор с подозрением относился к иностранным веяниям, пытаясь уменьшить их влияние на Россию. По мнению отечественного исследователя С. В. Удалова, идеология официальной народности должна была, по мнению ее создателя, приспособить западную науку и просвещение в целом к российской действительности, не побуждая к изменению последней, то есть необходимо было воспитать поколение людей, осознающих особенности русского национального характера и традиций и способных воспринимать западную культуру, не подражая ей слепо, а заимствуя лишь то, что полезно для развития самодержавной России [15, с. 74].

Безусловно, теория С. С. Уварова была своего рода попыткой выйти из того идеологического кризиса, который возник во второй четверти XIX века. Политические амбиции империи требовали идеологического обоснования. Как полагает Р. А. Абдуллаева, Уваров предложил свой рецепт выхода из идейного вакуума: «Несколько иную концепцию выхода России из сложившегося кризиса предложил министр народного просвещения в правительстве Николая I С. С. Уваров, сформулировав знаменитую формулу: “Православие, самодержавие, народность”. Россия, согласно этой концепции, — это самобытная страна, основами бытия которой являются самодержавие, единственная форма правления, которую поддерживает русский народ; православие, исконное воплощение его духовности и надежная опора единовластия монарха; народность, неразрывно связующая самодержца и общество» [1, с. 41].

«Уваровская триада» стала классическим образцом российской консервативной мысли XIX века. Сконцентрировав в себе саму суть национальной идеи в ее сущностном понимании, она постулировала основные начала того, что принято называть государственностью. Три столпа, предложенных С. С. Уваровым, были одновременно и обращением в прошлое, и взглядом в будущее. Концептуально уваровский консерватизм воплощал многовековые идеалистические представления политических элит России, желающих обрести опору своей власти. Самодержец и народ, связанные православной верой, — вот, с точки зрения С. С. Уварова, наилучшее лекарство от нестабильности и социально-политических бурь.

В то же время доктрина Уварова выполняла одну из главных функций идеологии, имеющей государственное значение. Выдвигая на передний план отличие России по многим параметрам от западноевропейских государств, обосновывая неприменимость западных политических теорий для российских условий, она способствовала легитимации существующего в России политического порядка, определяя при этом и границы возможных преобразований [14, с. 14].

Как уже говорилось, основные постулаты русского консерватизма отражены в двух его направлениях — официально-монархическом и славянофильском. При этом, говоря об истоках консервативной мысли в России, мы в первую очередь говорили именно об официально-монархическом аспекте формирования консервативной идеологии. Сама власть постулировала свой абсолютный характер, подтверждая его религиозной составляющей. И это понятно, так как вся общественная мысль в России вплоть до XIX века, так или иначе, была связана с правящими монархами и развивалась в русле формирования официальной идеологии. В XIX же веке ситуация изменилась. Наиболее прогрессивная часть русского дворянства, а также разночинная интеллигенция получили право, хотя и ограниченно, но высказывать во всеуслышание свое мнение. Результатом этого стали дискуссии между представителями различных идейных направлений середины XIX века, наиболее известной из которых стала дискуссия между славянофилами и западниками.

Закрепление консервативной идеологии в виде уваровской триады явилось завершающим этапом, кульминацией в формировании абсолютистской парадигмы российского самодержавия. Империя окончательно осознала себя как единую геополитическую сущность, а консерватизм дал ей теоретическое обоснование. Но почему произошел отказ от идеи модернизма? Ответ следует искать как в плоскости географического детерминизма так и в плоскости психологического склада традиционалистского православного российского общества. В масштабах Российской империи либеральные механизмы управления не выглядели предпочтительными, а наоборот, самодержавная власть выступала гарантом единства и величия государства. Следует отметить еще один важный момент: Петр I сам заложил основное противоречие имперского развития России. С одной стороны, он стремился сделать ее современной державой западного типа, а с другой стороны, утверждал абсолютистские методы и формы управления. Это противоречие, как представляется, так и не было разрешено и явилось причиной потрясений в России уже в начале XX в.

Список литературы

1. **Абдуллаева Р. А.** Социальная стабильность и некоторые проекты её достижения в истории России // *Фундаментальные исследования*. 2006. № 12. С. 41–42.
2. **Бухаркин П. Е.** Феофан Прокопович и духовноинтеллектуальные движения петровской эпохи // *Христианское чтение*. 2009. № 9–10. С. 100–121.
3. **Васильев А. А., Серегин А. В.** История русской охранительной политико-правовой мысли (VII–XX вв.). М.: Юрлитинформ, 2001. 450 с.
4. **Велижев М. С.** С. С. Уваров в начале николаевского царствования: заметки к теме // *Пушкинские чтения в Тарту – 5: пушкинская эпоха и русский литературный канон: к 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: в 2-х ч. Тарту, 2011. Ч. 2. С. 335–356.*

5. **Воробьева И. В.** Историческая концепция Н. М. Карамзина и европейский легитимизм // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В. С. Парсамова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 20. С. 164–166.
6. **Гудзий Н. К.** Феофан Прокопович // История русской литературы: в 10-ти т. / АН СССР. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. III. Литература XVIII века. Ч. 1. С. 157-175.
7. **Давыдов А. Н.** Сущность политических идеологий и их роль в историческом процессе (политическая история России) // Философия и проблема человека. СПб., 1997. Т. IV. 491 с.
8. **Заболотная А. С.** Теория официальной народности как идейно-теоретическое и философско-правовое обоснование самодержавия в России // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 2-12.
9. **Ключевский В. О.** Исторические портреты. М.: Правда, 1991. 623 с.
10. **Лотман Ю. М.** «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 343-355.
11. **Павленко Н. И.** Феофан Прокопович // Наука и жизнь. 1995. № 4. С. 86-92.
12. **Пайпс Р.** Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. 249 с.
13. **Самоваров А.** Пушкин как зеркало русского консерватизма [Электронный ресурс]. URL: <http://novchronic.ru/3567.htm> (дата обращения: 17.01.2013).
14. **Удалов С. В.** Государственная идеология в России второй четверти XIX века: пропаганда и реализация: автореф. дисс. ... к.и.н. Саратов, 2005. 21 с.
15. **Удалов С. В.** Теория официальной народности: механизмы внедрения // Освободительное движение в России: межвуз. сборник научных трудов / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2006. Вып. 21. С. 77-85.
16. **Черняев Н. И.** Русское самодержавие / сост., предисл., примеч., имен. словарь А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 864 с.

CONSERVATIVE IDEA AS ABSOLUTISM BASIS IN THE RUSSIAN EMPIRE

Ivakin Grigorii Anatol'evich, Ph. D. in History

*Russian Academy of National Economy and State Service under the Russian Federation President
ivakin@rane.ru*

The author researches the development of conservative idea in Russia during the XVIth - the first half of the XIXth century, analyzes the ideological doctrines of Theophanes Prokopovich, N. M. Karamzin, count S. S. Uvarov, considers the conservative views of A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, N. V. Gogol', shows that conservative thought formed the basis of official-monarchist conservative ideology in Russia during this period, and tells that the power itself postulated its absolute character confirming it with the religious component.

Key words and phrases: conservatism; Uvarov's doctrine; absolutism; the Russian Empire; ideology; power.

УДК 930.85(470)

Культурология

Статья раскрывает актуальность проблемы повышения туристской привлекательности и культурно-символического позиционирования регионов России. Автором проводится анализ оценок процессов интерпретации символов в туристских путешествиях, роли маркеров и смысла аутентичности в туризме и делается вывод о необходимости применения семиотического подхода в осмыслении культурных пространств в туристско-маркетинговой работе.

Ключевые слова и фразы: туристская дестинация; маркетинг территорий; посттурист; символ; маркер; семиотический подход; культурное пространство.

Иванова Лилия Фатыховна, к. пед. н., доцент

*Казанский государственный энергетический университет
ivanli7@yandex.ru*

СИМВОЛ В КОНТЕКСТЕ ТУРИЗМА И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ДЕСТИНАЦИЙ®

В последние десятилетия туризм достиг невероятной масштабности и стал одной из крупнейших и наиболее прибыльных отраслей: в 2012 г., согласно отчету Всемирной туристской организации (UNWTO), впервые в истории количество международных туристских прибытий превысило один миллиард (1,035 млрд) [8]. Для России же задачи привлечения потока иностранных туристов и развития внутреннего туризма стоят довольно остро. Для сравнения: в 2011 году во Франции зафиксировано 79,5 млн туристских посещений [Ibidem], в Российской Федерации въезд иностранных граждан составил 24,9 млн человек, из них с целью туризма – всего лишь 2,3 млн [3]. В рейтинге туристской привлекательности стран мира, составленном Всемирным экономическим форумом в отчете за 2011 год, Российская Федерация продолжает занимать незавидное 59 место [7]. Приходится констатировать, что богатое историко-культурное наследие и уникальные природные объекты